

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Когда неясно, что впереди —
смерть или слава

РАЗВЕДКА

41 ГО

ТАЙНА
ПЛЕННОГО
ГЕНЕРАЛА

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Тайна пленного генерала

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Тайна пленного генерала / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-116811-7

Октябрь 1941 года. Остатки 303-й дивизии вместе с другими советскими частями дерутся в окружении под Вязьмой. Немцы сбивают самолет, на котором в штаб армии летел представитель ГКО генерал-лейтенант Беспалов. При нем были важные документы. Если гитлеровцы схватят генерала, окруженные подразделения будут обречены. Разведгруппа лейтенанта Глеба Шубина отправляется на поиски. Бойцы находят упавший самолет, но Беспалова среди погибших нет. Выяснилось, что генерала захватили эсэсовцы и отправили в штаб, расположенный в ближайшем населенном пункте. Шубин принимает рискованное решение: переодеться в форму полицаев и проникнуть в немецкое расположение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116811-7

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Тамоников

Тайна пленного генерала

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

К вечеру прошел дождь, сильно похолодало. Но ниже нуля ртутный столбик не падал, земля не стыла, и единственная дорога, ведущая в деревню, тонула в грязи.

Лейтенант Шубин перебежал за мокрую скирду, заваленную ветками. В воздухе висела плотная изморось. Последние октябрьские дни 1941 года выдались дождливыми, полоскало обильно, дороги превратились в кашу. Вопрос интересный – кому это на руку? И наступать, и отступать в таких условиях было трудно.

За спиной раздался шорох, многозначительно кашлянули. Лейтенант раздраженно отмахнулся: сидеть! Размяк народ в партизанах, дисциплина хромает на обе ноги. Приказы еще выполняют, но обсуждать уже не стесняются. И трибуналом грозить бесполезно. Где он, этот трибунал?

За спиной стало тихо, успокоилось войско. Все устали как собаки. Дороги, хоть и раскисшие, находились под наблюдением. Посты немецкой жандармерии дополнялись русскими полициями. Пришлось ломиться сквозь чащу – через голый колючий шиповник, обилие валежника. В лесу холод не чувствовался, но когда вышли на открытый участок, стали подмерзать.

Деревня, если верить старой карте, называлась симпатично – Чижики. Скорее хутор, а не деревня, несколько дворов, вросшие в землю избышки, амбары на краю селения. Тянулся в небо журавль колодца. С населением было небогато, по дворам блуждали согбенные фигуры, в домах жгли оставшийся керосин. В таких селениях обитали никому не нужные старики.

Сквозь деревню проходила дорога – впрочем, одно название.

Леса отступили, на востоке виднелась развилка. Немцев в деревне поначалу не было. Пока Глеб изучал в бинокль подворья, сгустились сумерки. Разведчики могли сделать остановку, привести себя в порядок. Но пока он принимал решение, донесся треск мотоциклетных моторов, пришлось пятиться обратно в лес. По дороге проехали два тяжелых BMW R-75. В каждой машине, помимо пилота, сидел пулеметчик. Солдаты в касках, короткие шинели. Мотоциклы отличались проходимостью, но колеса вязли в непролазной грязи, для проезда приходилось использовать обочины. В замыкающей машине имелась рация – покачивался провод антенны.

Немцы въехали в деревню, заглушили моторы. Разведчики глухо выругались – вот и отдохнули, привели себя в порядок...

Гитлеровцы перекликались, блуждали по дворам, пугали местных жителей. Но сегодня не стреляли – настроение было благодушное. Уезжать из деревни они не собирались. Захлопали двери, посыпались дрова из поленицы.

Стемнело. Надвинулись черные тучи, опустились на лес.

– Что делать будем, товарищ лейтенант? – прошептал приземистый, стриженный под ноль Курганов, кутаясь в фуфайку. – Не май, однако. Дальше пойдём? Или этих перебьем да погреемся?

Четыре пары глаз вопросительно глядели на командира.

– Что главное в нашем ремесле, товарищи разведчики? – строго, как на экзамене, спросил Глеб.

– Я знаю, – встрепенулся Леха Кошкин, – вовремя убраться.

Бойцы заулыбались. Оскалился чернявый Арсен Варганян.

– Двойка, боец. Главное – уметь ждать. Так что сидим и наблюдаем.

– У товарища лейтенанта чуйка проснулась, – догадался Курганов. – Ладно, мы люди терпеливые, будем ждать.

А ведь действительно сработала чуйка! Что забыли на хуторе четыре мотоциклиста, у которых есть командиры, поставленные задачи, и вообще им здесь не Бельгия с Голландией? Солдаты вермахта хозяйничали на хуторе. На задворках возник дымок – затопили баню.

Чутье не подвело, товарищи терпели, кутались в заношенные телогрейки. «Почему у пилотки уши не опускаются? – жаловался Кошкин. – Зима на носу, полярный холод, а мы одеты хуже, чем немцы». Через полчаса снова послышался шум: появился бронированный вездеход в сопровождении мотоцикла. Колонна проехала мимо, растворилась в деревне.

– Кошкин, выяснить, – приказал Глеб. – Одна нога здесь, другая там. Да не светись на юру, лесом давай...

Леха вернулся через восемь минут – устал, рухнул под осину.

– Гулянка намечается, товарищ лейтенант. Прибыла четверка офицеров, а с ними три бабы. Не спрашивайте, что за бабы, мне не доложили. Смеются, лопочут по-русски, делают вид, что им хорошо и они ничего не боятся. Видать, из Развального привезли – до села шесть верст. Шлюхи тамошние. Баню топят, ящики с харчами таскают, бутылки бренчат... Товарищ лейтенант, я их звания не разглядывал, но явно из штабных: ухоженные, брезгливые, с тропы – ни шагу. Это же подарок, товарищ лейтенант... Ну, если другие не подъедут.

– А чего они тут забыли? – простодушно спросил Шперлинг. – Ну, и гуляли бы у себя в Развальном. Там и охраны больше, и ехать никуда не надо.

– Квартирмейстеры? – предположил Кошкин. – А с ними пара чинов, чтобы присмотреться? Позже подойдет подразделение, встанут гарнизоном или штаб сюда перенесут...

– Сегодня вряд ли подойдут, – задумался Шубин. – Не стали бы тогда с девками гулять на ночь глядя. Утром подойдут основные силы. А сегодня гуляют, и к черту войну. Начальство далеко, район безопасный, в этом квадрате мы практически не светились. Сколько их всего?

– Четыре офицера, три барышни, – стал перечислять смысленный боец. – Четыре солдата в первой партии, два – во второй. Плюс еще водитель вездехода, он же денщик – такая вот орясина, проще перепрыгнуть, чем обойти. Семеро рыл рядового состава. В их числе капрал или унтер-офицер. Охранять будут господ офицеров. Только одеты они слабовато – шинельки на рыбьем меху, тонкие сапоги, будут больше греться бегом, чем охранять...

Стоило осмыслить ситуацию. Четыре офицера, пусть невысоких званий и должностей – просто божья милость. То, что квадрат перекроют уже утром, значения не имело, разведчики уйдут. Полдня разведка плутала в потемках, и так не хотелось возвращаться с пустыми руками!

– Приготовить ножи и саперные лопатки. Для начала расчистим поле деятельности. Действовать тихо, по плану. А план я вам сейчас обрисую...

К хутору подкралась с двух сторон, когда веселье в русской бане набирало обороты. Из бревенчатого сруба доносились крики, брэнчала посуда, смеялись женщины. Процесс разложения командного состава германской армии шел полным ходом. Вояки чувствовали себя в безопасности. Но охрану выставили. Все это напомнило безумный пир во время чумы. Распахнулась дверь, гогочущая ватага высыпала на крыльцо, но не задержалась – все же не тропики. Сильная мужская рука шлепнула по женскому заднему месту. Послышался визг.

Часовой на окраине деревни кутался в отвороты осенней шинели и что-то напевал. Но самое важное событие в своей жизни он пропустил. Подкрался Арсен Варганян, сбил часового с ног, несколько раз ударил ножом в горло. Подоспел Курганов, мертвеца оттащили в канаву.

Та же история повторилась на другой стороне деревни, но там Халевич работал в одиночку. Часовой ахнул, скинул с плеча МР-40 и набрал воздух в легкие. Халевич прыгнул с разбега, зажал немцу горло и давил даже после того, как они оба упали. Немец извивался, колотил ладонью по грязи, дескать, сдаюсь. Но подобные сигналы здесь не работали. Труп был тяжелый, подбежал Шперлинг, вдвоем разведчики оттащили мертвеца за дерево.

Еще одного часового Кошкин снял у калитки центральной избы. Тот прикрыл ладонями пламя зажигалки, эту штуку разведчик и вбил ему в зубы. А потом перехватил нож и добил ударом в живот.

Бойцы рассредоточились вокруг центрального подворья, перебрались через ограду. Двор окружали старые сараи. Шубин перелез на территорию с задней стороны, перебежал к бане, присел на углу.

Ждать пришлось недолго. По периметру курсировал рослый обер-гренадер с карабином «маузер» за плечом. Отточенное лезвие саперной лопатки зарубило ему ключицу. Глеб выдернул инструмент – брызнула кровь. Гренадер качнулся, схватился за рану. Второй удар был нанесен вертикально, тем же ребром. Треснула кость, потекло по лицу.

Солдаты вермахта слаженно действовали в составе подразделения, когда же они оставались наедине с опасностью, то терялись и впадали в замешательство.

Трамбовать мертвеца было некуда, Глеб оставил его на месте, прокрался, сжимая лопатку, вдоль сруба. Внутри гуляла почтенная публика, раздражались взрывы смеха. Окна в парной отсутствовали. Имелось окно в предбаннике, где сидели люди, но настолько мутное и грязное, что им можно было пренебречь.

На крыльце центральной избы курил часовой. Сбоку вырос Кошкин, схватил немца за ноги, резким движением стащил с крыльца. Леха рисковал – тот мог закричать, но ударился головой и остался нем. Поединок продолжался за крыльцом, Кошкин сопел, нанося удары, немец сопротивлялся. Потом стало тихо, боец перевел дыхание. В темноте поблескивали шальные глаза.

– Товарищ лейтенант, это вы? – протянул он тягучим шепотом.

– Это я, – отозвался Шубин, поднимаясь на ноги. – Леха, мы не закончили...

– Ну да, один еще бегаёт, – подтвердил разведчик. – Хотя точно не установлено...

– Вроде всех охватили, – неуверенно заметил Курганов, отделяясь от сарая. – В бане еще денщик, ведрами гремит, напевает что-то, дрова подбрасывает...

Досадный пробел – не научиться считать до шести! Глеб и сам путался. На краю подворья показались двое – Шперлинг и Халевич. Не хватало Вартадяна. Бойцы озирались – не всем давалась в школе элементарная алгебра.

Вскоре все прояснилось: закрипела дверь покосившегося сортира на другой стороне двора, оттуда вывалился, подтягивая штаны, шестой солдат. Нашлась пропащая душа! Караульный почуял неладное, растерянно заморгал. Отсутствовал товарищ на крыльце, а за ступенями валялось что-то бесформенное. Плюс подозрительные силуэты по периметру – явно не сослуживцы. Он попятился было обратно в сортир, но дверь уже захлопнулась, уперлась в спину. Сделал движение, словно собрался скинуть карабин с плеча, но оружие отсутствовало – оставил на крыльце перед посещением туалета.

Халевич метнул нож за мгновение до вопля. Но слишком далеко оказалась мишень – холодное оружие рассекло воздух и метко ударило в грудь. Жаль, что рукояткой. Крик застрял в горле, запутались ноги. За спиной возник потерявшийся Вартадян, прыгнул на гитлеровца, повалил его носом в глину, стал колотить по загривку. Чувство меры не отказало. Арсен схватил его за ноги, потащил в темноту, где и продолжил экзекуцию до победного конца. Шубин облегченно выдохнул. По краю ходим, мужики, по самому краю...

Тени заскользили в вечернем воздухе, разведчики подкрались к бане. Снова незадача: закрипела дверь, вышел приземистый упитанный солдат, выплюнул окуроч. Разведчики застыли. О существовании седьмого, в принципе, знали, потому не растерялись. Денщик мурлыкал песенку, по сторонам не смотрел, что и позволило ему прожить лишнюю минуту. Он спустился с крыльца, помахивая пустым ведром, присел у поленницы и стал набирать дрова. Закончив, побрел обратно к крыльцу. Остановился, не увидев часового у избы, крикнул:

– Эй, Гюнтер, ты здесь?

Ответа не дождался, пожал плечами и вошел в баню. В узком тамбуре горела свеча, там топилась печка, стояла табуретка и больше ничего. Тяжелая дверь в предбанник была закрыта, за ней картаво лаял немец, повизгивала женщина. Шубин вошел за денщиком, придержал дверь. Тот заметил силуэт за плечом, резко повернулся и застыл, охваченный страхом. Сильные пальцы сжали горло.

– Спокойно, – прошептал по-немецки Шубин. – Поставь ведро. Осторожно опусти... вот так... – Подогнулись ноги, рыжеволосый упитанный малый в звании обер-ефрейтора опустил ведро. Звякнула металлическая дужка. – Вот и умница, спасибо... – Немец смертельно побелел, глаза полезли из орбит. Он произнес спутанную речь, после чего лейтенант сдавил горло еще сильнее. Мало приятного – наблюдать, как в твоих руках умирает человек. Немец тужился, покрываясь пятнами.

Глеб опустил бездыханное тело рядом с печкой, прижал палец к губам – в баню сунулся возбужденный Кошкин. Понятливо закивал, ослабил. Разведчики входили на цыпочках – страшные, как демоны, в облезлых фуфайках, в залатанных мешковатых штанах. Шубин на цыпочках подошел к двери, стал слушать.

Веселье текло своим чередом. Поперхнулась женщина, стала икать. Мужской половине собрания стало весело, они загоготали, кто-то ударил бабу по спине. Несчастливая поперхнулась и перестала икать.

– Конрад, да ты прямо доктор! – восхитился немец. Участники гульбы уже здорово набрались и наелись. Забулькал шнапс, родился тост: — За скорую победу великой Германии, за то, чтобы не возиться с этими русскими до зимы!

Пирующие сдвинули стаканы, выпили. Потом кто-то предложил еще раз посетить парную. Не желают ли дамы присоединиться? «Дамы» запищали, что они уже не могут, там жарко, и если господа офицеры позволят им остаться, они будут премного благодарны.

– Я тоже останусь, герр майор, – бросил один из присутствующих. – Не понимаю этого удовольствия – сидеть и обливаться потом. Русские еще вениками хлещутся – зачем? А мы им уподобляемся...

Низкий голос согласился, что он тоже многого не понимает, однако в этой бане что-то есть. Не зря же союзники-финны так ценят свои сауны, которые мало чем отличаются от русских бань.

Скрипнула дверь. Трое удалились в парную.

– И что мы мнемся, как погорельцы? – не понял Курганов.

Шубин распахнул дверь, ворвался в предбанник с автоматом наперевес. Возникла немая сцена. Предбанник был просторный, и обстановка – самое то. Возможно, до войны сюда приезжали париться представители сельских парторганизаций, директора колхозов.

Дверь в парную была закрыта. На вешалке висела одежда – женские пальто, офицерское обмундирование, ремни с портупьями и кобурами. За дубовым столом сидели четверо – одетые весьма условно, разморенные, покрасневшие. Сельские девки со спутанными волосами – не первые красотки на деревне, но уж что нашли. Выделялся жилистый тип под сорок, с зальсинами и выпуклыми рыбьими глазами. Из одежды – только трусы, а у представительниц прекрасного пола – простыни на голых телах. Не сказать, что стол ломился от яств – три бутылки шнапса, две из которых уже «приговорили», консервы, солености, нарезанное кольцами вяленое мясо.

Компания оторопела, все застыли с открытыми ртами. Шубин вышел вперед, ствол ППШ уставился немцу в лицо. У того медленно отвисла челюсть.

– Ой... – прошептала крупная барышня со следами оспы на лице. Громко икнула ее товарка – худая, нескладная, но на лицо, пожалуй, самая симпатичная. Третья затряслась, первой вышла из ступора, стала зачем-то креститься – она была самой упитанной, видимо, неплохо ей жилось на немецких харчах.

Разведчики наводнили предбанник. Немая сцена затянулась. В парной упал тазик, раздался дружный гогот. Глеб покосился на дверь и накинул на скобу массивный стальной крючок. Бросил через плечо:

– Эй, на галерке – подкиньте дров, пусть люди погреваются.

Злорадно засмеялся Шперлинг, отступил в тамбур и загремел ведром. Напрасно Шубин отвел глаза – немцу этого хватило! Он издал отчаянный рев, отшатнулся вместе с табуреткой. Не успел никто опомниться, как офицер прыжком подлетел к окну и вывалился наружу, выбив плечом раму! Брызнули осколки, затрещало дерево. Завизжали перепуганные девки. Цирковой трюк, как ни странно, удался. Голое туловище в полосатых «гусарских» трусах перевалилось через подоконник и рухнуло в битое стекло.

– Человек за бортом! – ахнул Вартамян.

Курганов оттолкнул его, выхватил из-за пазухи ГТ с накрученным глушителем «БраМит» – осталась еще парочка от прежней жизни, подбежал к окну, стал бегло палить. Голый немец далеко не ушел, пуля догнала его, швырнула на землю. Курганов выпустил следом еще две пули.

– Фу, спасли утопающего... – облегченно выдохнул Вартамян и засмеялся.

Бабы заголосили, кутаясь в простыни. Закричали офицеры в парной, стали биться в дверь. Она прыгала на петлях, но крючок держался.

В тамбуре колдовал Шперлинг, щедро подбрасывал дрова в топку. Дерево трещало, жадно горело. Из разбитого окна тянуло холодком. Но вряд ли на это обратили внимание. Возню в парной разведчики игнорировали – пусть парятся господа. Выйти немцы никак не могли – окна отсутствовали.

Взгляды разведчиков обратились к женщинам. Их разглядывали с любопытством, с легким презрением. Женщины выли от страха, обнимали друг дружку. Та, что после оспы, уже приходила в себя, перестала голосить, приняла покаянный вид.

– Вах, какие персики, – поцокал языком Вартамян. Он намеренно коверкал русскую речь. – Командир, да это целое персиковое дерево!

– Не корчи из себя неруся, – поморщился Глеб. – Что там у тебя за плечами? Ереванский государственный университет?

– Так точно, товарищ лейтенант, – без тени акцента отозвался Арсен. – Окончил с отличием в 37-м году. Специальность – русский язык и литература. Два года проработал учителем в общеобразовательной школе города Гюмри.

– И я до войны работала учителем в сельской школе... – прошептала обладательница оспин. – И тоже русский язык и литература...

– Вам, фрау, давали слово? – нахмурился Глеб.

– Вот же суки, подстилки фашистские... – сплюнул Халевич.

Женщина осеклась, затряслась нижняя губа. Остальные потеряли дар речи.

– Ладно, мужики, раз пошла такая пьянка... – неуверенно изрек Кошкин, подходя к столу.

– Режь последний огурец, – засмеялся из тамбура Шперлинг. Он продолжал с усилием пихать дрова в топку. Печь раскалилась, огонь жадно гудел. Из парной раздавались жалобные крики задыхающихся немцев. Снова долбанулись в дверь, но прочная конструкция выдержала.

Кошкин захрустел соленым огурцом. Подошли остальные. Курганов извлек из-за голенища ложку, завернутую в тряпку, потянулся за консервной банкой. Шубин не возражал. Подкрепиться стоило – дорога была дальняя. И собственные остатки провианта целее будут. Не прошло и минуты, как народ жадно зачавкал.

– По маленькой, товарищ лейтенант? – предложил Вартамян, заговорщицки подмигнув.

– Перебьетесь. Разрешаю взять с собой – до лучших времен.

– С девичником что будем делать? – спросил Халевич. – Расстреляем?

– Ну ты и крут, Холерыч, – уважительно заметил Кошкин.

– Я Халевич, – обиделся боец.

– А я что сказал? – разведчик засмеялся.

Женщины затряслись.

– Пожалуйста, не надо... – заикаясь, произнесла худая. – Нас заставили, мы не хотели... У меня в Развальном голодный ребенок, больная мама, я должна их чем-то кормить...

– Нас силой заставляют, – выдавила пухлая. – Полицаи на прошлой неделе собрали всех молодых женщин, пригнали к управе, сказали, чтобы улыбались немцам, смеялись над их шутками, даже если не понимаем, о чем они говорят... Немцы отобрали пятнадцать девушек, устроили бордель в здании клуба, там постоянная очередь из немцев и полицаев... Говорят, что мы должны проявлять сознательность, добросовестно обслуживать борцов с большевистским режимом... Мы не по своей воле, поймите...

– Так я не понял, расстреливать не будем? – не унимался Халевич.

– Делайте, что хотите... – пробормотала крупная, и снова на ее глазах заблестели слезы. –

Мне уже все равно, нас немцы испортили, мы больше никому не нужны...

– Матрена, что ты такое говоришь? – ахнула худая и снова стала икать.

– Проработаем по комсомольской линии? – предложил, сдерживая смех, Кошкин.

– Выйди на улицу, – приказал Глеб. – Там стой и охраняй, больше не заходи. Подъедут посторонние – сигнализируй.

– Эх, жизнь... – посетовал Леха, забрасывая автомат за плечо. – Гонят на холод как последнюю собаку. Вот так и проходит героическая юность...

Разведчики заулыбались. Женщины чувствовали себя неуютно. Простыни мало ассоциировались с одеждой. Ситуация образовалась нетипичная.

Шубин откровенно терялся. Он не был ярым гуманистом, сострадания к «оступившимся» не испытывал, но убивать проституток... Да и какие они проститутки? Немцы им не платят...

– Накажем имеющимися средствами? – деловито предложил Варганян.

– Это какими? – не понял Халевич.

Разведчики насторожились. Пришел Шперлинг – он набил до отказа топку и с трудом закрыл дверцу. В парной сразу сделалось как-то тихо. Доносились лишь протяжные стоны.

«Слабаки», – подумал Глеб.

– Ну, все, хватит, – строго сказал он. – Оденьтесь, а то смотреть противно.

– Не то чтобы противно, – поправил Кошкин, показавшись в окне, – тошно.

– Уйди, – разозлился Шубин. – Делом займись.

Отворачиваться не стали. С вешалки стащили офицерские портупей с пистолетами, женщинам бросили одежду. Они облачались в свои тряпки, попеременно закрываясь простыней, умоляли не убивать их. В пустые головы не приходило, что расстрелять могли и нагишом.

– Последний шанс, девчата, – объявил Шубин, с усмешкой оглядывая вытянутые физиономии. – Имеем парочку вопросов. Кого ублажали?

– Это офицеры из штаба полка... – забормотала Матрена. – Остальные появятся перед рассветом... Сюда должны перевезти штаб батальона или что-то такое... Мы не знаем, нам же не докладывают, а по-немецки мы плохо понимаем... Этого звали Клаус... – она кивнула на окно, за которым валялся труп в трусах. – Он немного понимает по-русски...

– Понимал, – поправил Шубин.

– Да, понимал... – Матрена закивала. – Нас заставили, староста Касьян Качалов специально отобрал девчат, когда ему немцы приказали... У них майор главный там... – Матрена кивнула на запертую дверь. – Плотный такой, у него рожа, как у бульдога, по-нашему вообще не понимает. Они сегодня добрые, только бьют по задницам больно... – Бледное лицо Мат-

рены раскрасили пунцовые пятна. – Его зовут Генрих, фамилия, кажется, Оффенбах... Больше ничего не знаем, правда.

– Мы больше не будем, – добавила щуплая и икнула, как бы закрепив обещание.

– Больше, разумеется, не будете, – хмыкнул Варганян, поднимая автомат.

Женщины запищали, сбились в кучу.

– Не пугай гражданок, – поморщился Глеб. – Судить их не будем, пусть их совесть судит.

А когда вернутся наши, то и другие судилища заработают. Не отвертятся, всем воздастся.

Он откинул крючок и вошел в парную. Там царил раскаленный ад. Дышать горячим воздухом было невозможно. Шперлинг перестарался.

Голые тела еще подавали признаки жизни. Стонал сравнительно молодой немец с мутными глазами. Второго пришлось отодвинуть ногой: он полз к выходу, поднял голову, снова уткнулся в пол. Плотный фриц, в годах, с «монастырской» плешью, обрамленной седыми волосами, скорчился возле бака с холодной водой – видимо, пытался облиться, чтобы хоть как-то выжить в этом пекле, но это не помогло. Сил подняться не было, он картинно держался за сердце.

– Фу, жарко тут, – сунулся за Шубиным Варганян. – Нормально попарились гости?

– Да, все довольны. Холерыч... тьфу, Халевич, – берите с Арсеном этого кренделя, тащите в предбанник, да нежнее, чтобы голову о порожек не разбил. Голова у него ценная, жалко, если потеряем.

– А ничего, что он голый? – насторожился Халевич.

– Мы еще и брезгливые? Вы за ноги тащите, отвернитесь, если такие стеснительные.

– А этих? – деловито осведомился Варганян.

– А эти пусть лежат, они еще не закончили. Шперлинг, еще дров подкинь, прохладно становится.

Майора потащили за ноги, он лопотал бессвязные фразы, вращал глазами. Курганов отодвинул стол, освобождая место, женщин загнали в угол и приказали не дышать. Майор ворочался на полу, блеял и пускал слюни.

– Простыней прикройте, – поморщился Глеб. – Это действительно противно...

Майор вдруг дернулся, издал душераздирающий рев и схватил за ноги Курганова. Ахнули бабы. Боец не растерялся, врезал фрицу в челюсть мозолистым кулаком. Последствия оказались плачевными: посыпались зубы, треснула кость. Майор откинул голову, застонал.

– Тебя просили? – разозлился Шубин. – Теперь сам его допрашивай.

– Виноват, товарищ лейтенант, – смутился Курганов, – но я по-немецки три слова знаю, да и те... А сами бы вы как поступили? О, свят... – Курганов отшатнулся, когда немец с перекошенным лицом снова потянулся к нему.

С большим трудом удавалось сохранить серьезность. Даже женщины хихикали. Майор тяжело дышал, глаза воровато бегали. Вражеские интимные подробности худо-бедно укрыли простыней.

– Вы кто? – прохрипел офицер. Он сильно шепелявил, с губ сползала пена вместе с зубной крошкой.

– Операция «Милый друг», герр Оффенбах, – объяснил Глеб. – Вас приветствует советская разведка. Предлагаю поговорить.

– Мне не о чем с вами говорить... Я не разговариваю с русскими ублюдками... Немедленно меня отпустите, дайте одеться и освободите моих товарищей... Вы поступили подло и трусливо, заперев нас в этой чертовой бане...

– Вы правы, герр майор, мы поступили некрасиво, но кто сказал, что вы имеете право нас судить? Не хотите разговаривать? Дело хозяйское. Ребята, а ну, давайте его обратно в парную!

Сильные руки схватили немца за конечности. Майор задергался, исказилось лицо в нечеловеческом страдании.

– Нет, я вас прошу, не надо туда, я буду говорить...

– Надо же, – почесал загривок Шперлинг. – Даже не знал, что у русской бани такие целебные свойства.

Сначала немец говорил путано и невнятно, корчил из себя умирающего. Но уловки не сработали, о чем Шубин прозрачно и намекнул. Выяснился отрадный факт: герр Оффенбах полностью в курсе дислокации немецко-фашистских войск в соседнем с Вяземским Кружилинском районе. Иногда он пытался юлить, тогда перед разбитой челюстью возникал кулак, и беседа возвращалась в конструктивное русло.

Подразделения гитлеровских войск концентрировались в крупных поселениях. В Кружилино и Развальном стояли мотопехотные полки – полностью укомплектованные и готовые усилить идущие в наступление части. В деревне Грязево дислоцировались танкисты-гренадеры, там же на рассвете ожидали парашютно-десантный батальон СС. В деревнях стояли небольшие подразделения, усиленные танковыми ротами.

Шубин расстелил на коленях карту, делал пометки химическим карандашом. Появлялась пища для размышлений. База полковника Моисеевского, с которой прибыли разведчики, находилась южнее, в Чановском бору. Путь на восток был отрезан – едва ли полтысячи бойцов, обремененные обозами и ранеными, смогли втянуться, словно нитка в иголку, в узкий проход между селами, напичканными фашистами. Оставалась дорога на север, в Кружилинский район, а оттуда – на восток, где до границы Московской области было рукой подать.

Лейтенант исследовал карту, прислушиваясь к бормотанию майора, чертил карандашом примерный маршрут. Вроде все сходилось – из Чановского леса на север, вдоль протяженной Лосиной балки, отдых в деревне Шлыково, куда не заходили немцы, дальше – краем обширного бора, холмистая местность вблизи заброшенного бетонного завода, безопасный заповедник Куроносово...

Но что-то было не так, немец чего-то недоговаривал, ходил вокруг да около.

– Герр Оффенбах, вы все сказали? – вкрадчиво спросил Глеб. Немец закивал: да, да. Он уже чувствовал себя намного лучше.

– Ну что ж, придется вам еще погреться. – Шубин кивнул товарищам. Немец понял, что сейчас произойдет, пришел в неопишуемый ужас. Это было хуже, чем смерть! Только не это! Он вцепился в пол, стал выкрикивать мольбы о пощаде. Потом сдался, пробормотал, что скажет все.

– Только правду, – предупредил Шубин. – Вы же открытая книга, герр майор. Станете врать – и добро пожаловать в русскую баню.

Сведения, данные майором, ввергли разведчиков в уныние. О местонахождении отряда полковника Моисеевского немцы прекрасно знали и готовили операцию по его уничтожению. Данные об отряде поступили недавно, иначе с партизанами давно бы расправились.

Карательные части стоят в деревнях Саженка и Завьялово к югу от Чановского бора и завтра вечером с наступлением темноты начнут разворачиваться в боевой порядок. Лес блокируют, уже готовы мощные прожекторы и целый склад осветительных ракет. У партизан останется единственная лазейка – отход на север. Но не зря в этот район прибывает парашютно-десантный батальон СС! Один из взводов будет выброшен сегодня на рассвете в район небольшого поля – между краем Чановского леса и Семяжинским хутором (последний был отмечен на карте). Взводу приказано окопаться и встретить отступающих партизан. Такие же подразделения будут сброшены восточнее и западнее – они в случае необходимости придут на помощь. Точное время высадки десанта майор не знает. Но это должно быть на рассвете.

От таких новостей становилось дурно. Притихли разведчики – почувствовали, что новости так себе. Призрак крупных неприятностей витал в воздухе.

Шубин внимательно разглядывал карту. Если майор не врал (а он, похоже, не врал), уже завтра днем положение отряда станет безнадежным. А его группа ушла в самую глушь и при

этом без рации! До места выброски десанта – коломенская верста, до базы – еще дальше (да еще в другом направлении). Нужно срочно принимать решение, пока оставался хоть какой-то шанс.

– Бабы, живо оделись и пошли вон! – скомандовал Глеб. – Если узнаем, что продолжаете обслуживать оккупантов, пеняйте на себя. Живо, кому сказано! Пешком добежите до своего Развального, не развалитесь!

Женщины засуетились, стали натягивать пальтишки, задыхались от волнения. Матрена бормотала слова благодарности, уверяла, что они больше никогда, ни за что на свете! Никто не сомневался, что по прибытии в Развальное они побегут к немцам, будут каяться, оправдываться, но когда еще это произойдет! Партизаны уже уйдут.

Халевич сунул два пальца в рот, засвистел, как Соловей-Разбойник, и перепуганные девочки пульей вылетели из бани. Кошкин с улицы докладывал: они уже на дороге, скачут так, что грязь летит из-под копыт, – а вдруг разведчики передумают?

– Последний вопрос, герр Оффенбах. – Шубин склонился над пленным: – Откуда вам известно местонахождение отряда?

– Военная разведка получала сведения из вашего леса, их оставляли в условном месте... Этот человек сам предложил свои услуги, он понял, что бессмысленно сопротивляться германской армии. К тому же через неделю-другую будет взята Москва... Это один из помощников полковника Моисеевского, он занимается хозяйственной частью, не знаю его фамилии.

Шубин едва сдерживал ярость. Вот уж воистину, сколько сюрпризов сразу... Он сел на табуретку, перевел дыхание.

– Все плохо, товарищ лейтенант? – осторожно спросил Вартамян.

– Не позволим довести до трагедии. – Лейтенант лаконично описал создавшуюся ситуацию. Разведчики помрачнели. Курганов грыз последний огурец – набирался сил перед дорогой. – Не знаю, мужики, что бы мы делали без сведений герра Оффенбаха. Столько сказал, что даже убивать жалко.

– Так не убивайте, – пожал плечами Вартамян. – Выпустим в лес голышом, пусть побегает, утром поймет, что здесь не Елисейские Поля.

– А это еще где? – не понял Халевич.

– В Париже.

– Там есть поля?

– А где их нет, – хмыкнул Арсен. – Высаживают рожь, овес, гречиху – все как у людей...

– Так, хватит глумиться над малообразованными, – перебил его Шубин. – Обратите внимание на карту. К пяти часам утра, желательнее не позднее, мы должны прибыть в этот квадрат. – Он обвел пальцем место предполагаемой высадки парашютистов. – С этим десантом надо решать, он не должен закрепиться. Снять пулеметы с мотоциклов и взять с собой. Вартамян, у тебя толковая голова и быстрые ноги – возвращайся на базу, доложи Моисеевскому все, что мы узнали. Докладывать с глазу на глаз – никаких посторонних. Мы не знаем, кто работает предателем. Базу эвакуировать не позднее обеда, выступать в этом направлении, – он снова показал пальцем, – использовать передовые дозоры. Надеюсь, мы встретим отряд. Дорогу ты должен помнить. Старайся меньше отдыхать и держись подальше от немцев.

– Есть, товарищ лейтенант. – Вартамян немного побледнел. Перспектива в одиночку ломиться через ночной лес не окрыляла. – Я все сделаю, не беспокойтесь...

– Остальные выступают через десять минут. Шперлинг, Халевич, демонтировать пулеметы, собрать боеприпасы.

Возник вопрос: что делать с майором? Тот пришел в себя, но боялся встать, на что-то надеялся. Моральные принципы в подобных ситуациях не работали. Глеб кивнул Курганову. Тот вынул из-за пазухи пистолет с накрученным глушителем, взвел курок и выстрелил в затылок ничего не подозревавшему Оффенбаху.

В парной все было кончено – голые тела не подавали признаков жизни. Один задохнулся жаром, у другого от предельных температур произошла остановка сердца. Жар стоял безжалостный – его не выдержал бы даже тренированный человек.

– Товарищ лейтенант, давайте еще раз посмотрим карту, – предложил Курганов. – К Семяжинскому хутору наверняка ведут проселочные дороги. Они раскисли, но это неважно. Вы забыли про вездеход? Он стоит без дела, бак наверняка заправлен, а немцы в ближайшие часы не бросятся его искать. Пусть проедем лишнее, дадим крюк, но все равно это будет быстрее, чем пешком ломиться через дебри – да еще с полной выкладкой и немецкими пулеметами.

А это была идея. Шубин задумался...

Глава вторая

Громоздкая машина месила грязь, подминала под себя кустарники и неокрепшие деревца. Изделие фирмы MAN представляло собой нечто среднее между грузовиком и легковым автомобилем. Кузов и передние сиденья укрывал брезент. Мощные передние колеса, гусеницы – на задних.

Машина обросла грязью – даже одержимые чистотой немцы не успевали ее смывать. Грязь лепешками летела из-под колес. Шперлинг и Халевич обнимали длинноствольные пулеметы МГ-34 – пусть не совершенное, но мощное оружие. Эти штуки весили по двенадцать килограммов, за минуту вырабатывали тысячу патронов, имели прицельную дальность почти километр и снабжались коробчатыми магазинами.

Шубин лично сел за руль. Сложностей с управлением не возникло, двигались на пониженной передаче. Карта района, как фотография, стояла перед глазами лейтенанта...

Вездеход оказался неплохим подспорьем. Без него бы не успели. Но дальше дорога уходила на северо-запад, и это было неприемлемо. Для выхода в указанный район требовалось совершить бодрый марш-бросок по дикому лесу. В эти края не забирались немцы, здесь не орудовали партизаны, отсутствовали населенные пункты.

Вездеход загнали в лес, сами спешили. Огни фонарей блуждали по скоплениям голого кустарника, по ковру из сырого хвороста. Дряхлые осины переплетались ветками. Разведчики шли осторожно, природных ловушек хватало. Берегли дыхание, несли по очереди громоздкие пулеметы. Глеб постоянно сверялся с компасом, на коротких привалах припадал к карте, высчитывая пройденное расстояние...

С того дня, когда мобильные соединения Группы армий «Центр» окружили под Вязьмой несколько советских армий, прошло больше трех недель. Поражение было сокрушительным, немецкая разведка сделала все, чтобы сбить с толку советских стратегов, пустить их по ложному пути. Направление главного удара оказалось вовсе не на дороге Смоленск – Москва, как ожидали наши. Танковые колонны ударили южнее и севернее, смяли редкие порядки Красной Армии и к 7 октября замкнули кольцо под Вязьмой. Вырваться удалось лишь небольшим группам.

Красная Армия потеряла сотни тысяч человек – убитыми и пленными. Немцы были в растерянности: куда девать всю эту беспомощную человеческую массу? Пленных расстреливали, угоняли на запад, держали в построенных на скорую руку концентрационных лагерях.

Можайская линия обороны оказалась не готова, и на всем протяжении от Вязьмы до столицы практически не осталось советских войск. В Москве вспыхнула паника, которая продолжалась несколько дней, пока власти не взяли ситуацию под контроль.

Положение на фронте было катастрофическим. Для латания дыр бросали едва сформированные дивизии московских ополченцев, курсантские отряды – они погибали полностью в первых же боях.

Лейтенант Шубин и несколько человек из его взвода полковой разведки неделю плутали по Вяземским лесам в поисках следов своей дивизии. В итоге нашли. 303-ю стрелковую дивизию ожидала та же участь, что и большинство окруженных войск. Но полковнику Моисеевскому удалось прорваться с несколькими сотнями красноармейцев, осесть в лесах восточнее Вязьмы. С ними были гражданские, много раненых. Лида Разина, которую Глеб уже и не чаял увидеть живой, оказалась в их числе. Санитарному поезду не удалось прорвать кольцо, большинство раненых погибло, но небольшая группа пробилась к лесу, где и встретила бойцами Моисеевского.

В последующие дни отряд пополнялся выходящими из окружения группами, прибыла сотня штыков под командованием батальонного комиссара Ухтомского. Но это уже была не

регулярная часть. Пять сотен бойцов, бабы, дети, полторы сотни больных и раненых – это был какой-то неповоротливый табор.

Каратели сжимали кольцо, пришлось уйти на северо-восток, путая следы, – в Чановский бор. Там, в окружении болот, полковник Моисеевский выстроил себе новую базу. Связь с Большой землей поддерживалась – руководство группы было в курсе дел на фронте.

Попытки пробиться не имели успеха, и Москва отдала приказ засесть в лесу и заняться партизанской деятельностью. В тылу немецких войск работы хватало – громить склады и казармы, уничтожать коммуникации, колонны с горючим и продовольствием.

За три недели партизаны провели десяток акций. Был уничтожен едва сформированный взвод полиции; освобождена группа вяземских евреев, которых не успели расстрелять; ликвидирован склад ГСМ, взорвана подстанция, от которой питался военный аэродром в Сосновке.

Дважды разведчики Шубина устраивали засады на дорогах, брали высокопоставленных офицеров вермахта, допрашивали, а потом секретные данные отправлялись в Москву. Выжившие в котле Шубин, Кошкин, Шперлинг, Курганов стали костяком разведки полковника Моисеевского. Глеб добавил еще несколько человек, сформировал из них отделение – по принципу «лучше меньше, да лучше».

Полковник Моисеевский выделил своему начальнику разведки отдельную землянку, и теперь в нее частенько захаживала Лида. Сначала смущалась, норовила быстрее проشمыгнуть, прятала лицо под платком. Потом перестала таиться, но все равно смущалась, ловя на себе заинтересованные взгляды окружающих. Однажды осталась на ночь, а сбежала под утро, когда бодрствовали только часовые. Через сутки опять заглянула на ночь, и это вошло в привычку. Никто не осуждал, но глядели косо – больше завидовали, чем попрекали. «Нехорошо это, Глебушка, – вздыхала Лида, гнездясь под бочком. – Ведем себя бесстыдно, а ведь мы даже не женаты. Люди смотрят, что попало думают». «Так давай поженимся, кто бы возражал», – отвечал ей Шубин, борясь со сном. «А кто нас распишет? – смеялась Лида. – Полковник Моисеевский? Это не в его полномочиях. Забежим в загс ближайшего села, попросим полицаев отвернуться? Слушай, у нас же поп Василий есть, – осенило Лиду. – Позавчера прибыл из Елизаровки, фрицев перестрелял, когда они поджигать его церковь пришли, и с автоматом – к нам. Вот поп Василий нас и обвенчает, решено».

Это была шутка, подобного новаторства никто бы не оценил. Да и не считался бы этот брак настоящим. Но слухок о предстоящем бракосочетании пошел в народ, разведчики уже не косились на Лиду, украдкой пробирающуюся в землянку.

Партизанская вольница выдалась недолгой. Для проведения акций бойцы совершали затяжные переходы. Орудовать под носом у фашистов было самоубийством.

В последнюю неделю решительно не везло. Засада на колонну, перевозящую провиант, обернулась неудачей. Охраны оказалось больше, чем думали, в каждой машине работал пулеметчик. Наши откатились, потеряв четырех человек.

Контакт с партизанами соседнего района также не удался. Группа прибыла на встречу со связником в деревню Выселки и вступила в кровопролитный бой с озлобленными полицаями. Трех убила, семерых потеряла – что было равносильно разгрому.

Среди местных нашелся предатель, сообщил в комендатуру. Складывалось впечатление, что над отрядом Моисеевского нависли тучи. Линия фронта сместилась на восток, но представляла ломаную линию с переменными впадинами и выступами. Отступающие войска дрались с упорством обреченных.

В конце октября пала Можайская линия обороны, бои шли в семидесяти километрах от Москвы. На других участках ситуация менялась каждый день. Немцы обходили столицу с севера и с юга, бои велись практически везде с разной интенсивностью.

Конец октября ознаменовался проливными дождями, тотальной распутицей. На участках фронта, где не хватало проходимой техники, немцы буксовали. 43-я армия генерал-лей-

тенанта Голубева внезапно провела маневр и остановила продвижение противника на рубеже реки Нары, западнее захваченного Наро-Фоминска. Отдельные части вышли к реке и захватили плацдармы.

Два полка форсировали Нару и закрепились на ее берегу. Попытки противника сбросить их в реку успеха не имели. Красноармейцы держались под шквальным огнем, зарывались в землю. Потрепанные подразделения получили подкрепления и покидать район не собирались.

До позиций 704-го полка от базы было семьдесят верст. Моисеевский получил депешу из Центра. Смысл ее сводился к следующему: довольно партизанить, товарищ полковник, ваши усилия все равно сводятся на нет. Собирайте свой отряд и выводите его в расположение 704-го полка, пока тот находится в окрестностях Нары. Ситуация может измениться в любой день, войска отойдут, и тогда прорываться будет некуда.

Полковник принял известие с энтузиазмом. Кадровому военному, ему претило сидеть в лесах и обрастать мхом. Но местность на востоке кишела неприятелем. Рыскали «волчьи» стаи – отряды полицаяев, ненавидящих все советское.

Шубин предложил: двигаться на восток севернее, где плотность вражеских войск была наименьшей. Предстоящий рейд был непредсказуем и чреват опасностями. Полтысячи боеспособных бойцов, а с ними орава баб, детей, тяжелораненых, три десятка подвод и ни одной единицы автотранспорта...

Для прорыва требовалась разведка местности. Шубин вызвался пойти, и уже двенадцать часов маленькая группа месила грязь, проклиная неподходящее для войны время года. Впрочем, дорога между деревней Лавочки и рабочим поселком Новобитным оказалась проходимой: здесь преобладал глинозем.

Новость, что отряд могут уничтожить уже завтра, стала громом среди ясного неба. Шубин спешил. Перекуры становились все короче, и уже было ясно, что поспать этой ночью разведчикам не удастся.

К Семяжинскому хутору группа вышла в начале пятого утра. Округа спала, признаки воздушного десанта отсутствовали. Разведчики лежали на опушке, оружие наготове. Справа в низине грудились крыши лачуг. Перед глазами метров на шестьсот простиралось поле, за ним опять чернел лес.

– Ну, и чего мы приперлись в такую рань? – ворчал Халевич. Он вставлял в пулемет ленту с патронами. – Немцы же не идиоты прыгать ночью. Не видно ни зги, как они сядут?

– Не говори, Холерыч, – зевал Кошкин. – Могли бы вразвалку догрести, куда спешить на этой войне?

– Курганов, Шперлинг, отбой, – скомандовал Глеб. – Двадцать минут на сон, потом меняемся. Если повезет, то еще по двадцать минут.

– Вот это дело, – обрадовался Курганов и мгновенно уснул. Не смущали его ни холод, ни мокрая земля, ни постоянный озноб, продирающий до костей.

Шубин тоже задремал. Во сне, как водится, явилась Лида – она всегда являлась, даже в те ночи, когда была рядом. Девушка что-то шептала, смотрела с печалью, потом сообщила вполне внятно: «У меня недоброе предчувствие, Глеб, нам недолго быть вместе». Он очнулся, истекая холодным потом, потом опять уснул.

Бывшая воспитательница Ключинского детдома теперь работала медсестрой – пригодились полученные знания. В отряде Лида не отходила от раненых, выхаживала тяжелых, лечила при тотальном дефиците медикаментов и каждую смерть воспринимала как свою. Часто плакала во сне, бормотала слова оправдания. Вчера перед уходом группы висела у него на шее, обливаясь слезами, умоляла вернуться живым...

Глеб очнулся от толчка в плечо. Кошкин что-то жарко бормотал. В уши вгрызался гул авиационного мотора. Небо покрывалось серостью, над полем плыли рваные облака.

Туша самолета обозначилась в их разрывах. Прямо на глазах из «брюха» летательного аппарата посыпались люди – черные точки. Поочередно раскрывались купола парашютов. Они качались в небе, часть десантников еще пряталась в облаках, но вот вынырнул последний, и вся компания возникла воочию...

Не обманул герр Оффенбах! Глеб впал в предательское оцепенение, зачарованно смотрел на висящие в небе парашюты. Казалось, они не движутся, зависли под облаками. Но это была иллюзия – десантники снижались, минуты через три весь взвод будет на земле. Тогда с ним не сладить!

– Халевиц, с пулеметом в обход! – Лейтенант выбросил руку вправо, где метрах в трехстах посреди поля чернела вереница кустов. – Ударишь с фланга, но только после нас! Не давай им уйти к дальнему лесу, отрезай дорогу! Только не светись, ползи и смотри, чтобы эти твари тебе на голову не сели! Понял задачу?

– Так точно, товарищ лейтенант... – У бойца от напряжения свело скулу.

– Действуй, Холерыч, пулей – одна нога здесь, другая там.

– Я Халевиц, товарищ лейтенант...

Чавкал мох под ногами – разведчик, пригибаясь, бежал вдоль опушки. Приклад громоздкого пулемета волочился по земле. Пользоваться вражеским оружием умели все – иначе не попали бы в разведку.

Остальные тяжело дышали, ждали приказа. Пятеро против взвода парашютистов – тот еще расклад!

– Мужики, рассредоточились, из леса не выходить... В первую очередь сбивайте тех, кто должен приземлиться – плевать на остальных, пусть пока висят. Сядут да залягут в поле – тогда их не возьмешь. Василий, сможешь работать этой штукой? – Глеб кивнул на второй пулемет, оснащенный жестяной коробкой для лент.

– Смогу, товарищ лейтенант... – Боец волновался, бледнел на глазах. – Раньше мог, а чего же сейчас-то не смогу?

– За дело, ребята. Да не сбивайтесь в кучу, расползйтесь пошире...

Парашютисты неторопливо снижались, держась за стропы. Это было полностью укомплектованное, вооруженное до зубов подразделение СС. Шубин пытался их пересчитать, но всякий раз сбивался на втором десятке. Не меньше двадцати, а то и больше.

Руки дрожали. Он отполз за ближайшую березу, прижал ствол к рыхлой бересте, поймал в прицел снижающуюся фигуру. Показалось лицо: немец был невозмутим, как сфинкс, облачен в комбинезон и мягкие короткие сапожки. Автомат висел на груди. Парашютист зорко следил за округой, уже поджимая ноги, чтобы мягко соприкоснуться с землей.

Он и оказался первой ласточкой. ППШ выплюнул короткую очередь. Немец вздрогнул, свесилась голова, кровь моментально залила лицо. Десантник криво повалился на землю, подломились неживые уже ноги. Купол парашюта накрыл его, как саван.

Загрохотал пулемет, вступили в дело еще два автомата. Стрелять прицельно уже не получалось, да и ладно... Еще один парашютист поник головой, за ним третий. Разгорелась в небе сорочья ярмарка! Злобно каркал офицер, но где он находился, разведчики пока не видели.

Парашютисты бросали стропы, хватались за автоматы. Кто-то выплюнул трескучую очередь, но она никому не навредила. Еще один труп покатился по земле, увлекаемый парашютом.

На правом фланге заработал второй пулемет, усилил панику в неприятельских рядах. Халевиц не жалел патронов и едва ли тщательно целился. На это не оставалось времени. Двое немцев столкнулись в воздухе, запутались стропы, и оба камнем устремились вниз, превратившись в мелькающую многоножку.

Перекатился Курганов, сменил магазин, снова открыл огонь, лоя в прицел мишени.

Паника не прекращалась. Десантники, как кули, плюхались на землю. На дальнем краю поля кто-то ухитрился приземлиться живым, отцепил лямки парашюта, побежал. Халевич достал его очередь – десантник покотился по кочкам.

– Товарищ лейтенант, в пулемете патроны кончаются! – сообщил неприятную новость Шперлинг.

– Экономь, это же не перловка!

Засмеялся Кошкин, выдохнул, снова припал к автомату. Половина десантников еще была жива! Они совершали в воздухе нелепые маневры, стреляли наобум, если имели возможность. Их выкашивали пули. Задержался приземистый эсэсовец, получив свинец в нижнюю часть живота.

Опасность заключалась в том, что выжившие садились на другом конце поля, метрах в четырехстах от опушки. Халевич дотянулся до парочки, но всех истребить не мог.

Шубин сменил на бегу магазин, бросился вперед, прыгая через кочки. Товарищи устремились за ним. Шперлинг волочил тяжелый пулемет. Выругался Курганов – нога соскользнула в борозду, – ударился плечом, поднялся, бросился ловить оброненный автомат.

Жидкая цепочка красноармейцев катилась через поле. Шперлинг пристроил пулемет к бедру, выстреливал последние пули. Выявили офицера! Жив еще! Судя по холеной морде, это был именно он. Лицо побелело, затряслись конечности. Лететь оставалось метров двадцать, можно было представить, что творилось в гордой арийской душе. Командир извивался, пристраивая к бедру автомат, но это пустое занятие – стрелять вниз, болтаясь в воздухе. Он висел практически над головой. Глеб вскинул автомат. Хорошо, что заметили: парашютист отцепил от пояса гранату, бросил вниз.

– Ложись! – крикнул Шубин дурным голосом.

Разведчики попадали, закрылись руками. Долбануло метрах в двадцати, не страшно. Но уши заложило. Поднялись, открыли огонь по спускающейся мишени. Офицер орал, выпучив глаза, пули рвали комбинезон.

Двое приземлились метрах в семидесяти от дальней опушки, отстегнули десантные ранцы, пустились бежать. Одного сразу повалил Халевич на фланге, другой схватился за простреленную руку и припустился еще сильнее, но следующая пуля перебила ему позвоночник. Еще трое побежали к лесу, отстреливаясь. До первого дотянулся Виталик Халевич – сраженный десантник кубарем покотился в кусты. Остальные продолжали отступать. Шперлинг вырвался вперед – голова отключилась, зато сил стало больше.

Пулемет захлебнулся. Кошкин набрал скорость, подобрал автомат мертвого эсэсовца, стал долбить на одном дыхании. Дурная затея – выбросил раскалившееся оружие. МР-40 – штука несовершенная: мощная отдача, эффективно стрелять можно только с упора, длинные очереди решительно противопоказаны. Воскликнул Шперлинг, упал – споткнулся, наверное. Двое десантников вбежали в лес, там их накрыл свинцовый рой. Немцы подмяли собой кустарник, забились в корчах.

И это все? Шубин обернулся, уткнулся взглядом в неподвижного Шперлинга. Как из ведра окатили. Что за новости? Но опять не до этого: сзади протрещала очередь, и он встал как вкопанный. Липкая змейка побежала по загривку – вроде не кровь, не может быть кровь такой холодной.

Лейтенант медленно обернулся. Осанистый роттенфюрер – не человек, а готовый плакат, восхваляющий превосходство арийской расы – белобрысый, голубоглазый, с мужественными чертами лица, – сидел на коленях, поедая глазами лейтенанта Красной Армии и давился кровью. Потом повалился носом в траву. Открылась бледная физиономия Кошкина за его спиной. Автомат дрожал, из ствола вился сизый дымок.

– В рубашке вы родились, товарищ лейтенант, – неуверенно заметил Кошкин. – Еще чуток, и этот выбил бы вам мозги...

– Благодарю, Леха, – выдохнул Шубин. – Назначаешься ангелом-хранителем.

– Товарищ лейтенант, – проговорил Курганов треснувшим голосом. – Кажется, Ваську Шперлинга убили.

Его перевернули. Лицо Василия заливала кровь. Пуля чиркнула по виску, разбила кость, и человеку этого хватило. Он даже не пытался бороться за жизнь.

Закружилась голова, Глеб опустился на колени. От дальних кустов бежал Халевич – он выбросил пулемет и теперь стаскивал со спины личное автоматическое оружие. Кошкин тряс Шперлинга, призывая очнуться. Курганов отстранил товарища, проверил пульс, оттянул веко, потом повернулся к командиру, развел руками.

– Понятно, – вздохнул Шубин. – Мужики, не собирайтесь в кучу, проверьте все поле.

Они блуждали как потерянные, переворачивали тела. Олег Курганов выпустил короткую очередь – добил раненого. Подрагивал плечистый десантник, глотал землю. Попробовал, называется, жизнь на вкус. Глеб застрелил его, не задумываясь.

Случай редкий – уничтожить два десятка матерых вояк, потеряв всего одного человека. И все равно тошно. С ним они прошли десятки километров, сколько раз он прикрывал спину, а потом улыбался – добродушно и бесхитростно...

Погибшего перенесли к лесу, перекурили, потом взяли за саперные лопатки, стали рыть могилу. Халевич бурчал, что пока нормально, земля не мерзлая, было бы хуже, если бы Васька умер после того, как ударит мороз. Иногда прислушивались, вытягивали шеи. Различался отдаленный гул авиационного мотора. Десант был явно не последний. Немцы знали, что отряд Моисеевского пойдет из окружения, и могли перекрыть сразу несколько направлений. А в этой лесистой местности сам черт ногу сломит.

Яму вырыли глубиной чуть больше полуметра.

– И так сойдет, – сказал Кошкин. – Пусть Васька лежит поближе к нам, так лучше ему будет.

Тело завернули в плащ-палатку, засыпали землей, утрамбовали, чтобы холм не выделялся. Воткнули в головы лопатку, повесили на нее пилотку. Слов не говорили, постояли, потом снова сели перекурить. От усталости отнимались ноги, плохо работала голова.

– Интересно, Арсен добежал до наших? – спросил Курганов.

– Добежал, – уверил Глеб. – Мы примерно представляем, каким маршрутом пойдет отряд. Будем двигаться навстречу. Это не иголка, мимо не проскочим. Запасись оружием. Свое мы уже извели, переходим на трофейное. Автоматы, магазины с патронами, гранаты. Обнаружите консервы или еще что интересное – забирайте. Десять минут на сборы, пошли!

На поле хозяйничала воронья стая. Когда появились люди, птицы недовольно поднялись в воздух, стали кружить с громкими криками.

– Да ладно, не каркайте, – ворчал Курганов. – Не будем мы их есть, вам оставим.

С сухими пайками у «элитных» десантников проблем не было. «Гольтьба» из вермахта сдохла бы от зависти: качественная тушенка из свинины и говядины, консервированная форель, нормальный сладкий шоколад. Разведчики набили подсумки магазинами, разложили по карманам гранаты.

Утро было в разгаре. Группа выступила в юго-восточном направлении. Теперь их было четверо, выросла мобильность.

Затих за спиной вороний гам. Шли молча. Глеб сверялся с картой – и это превращалось в настоящую паранойю. Местность незнакомая, ориентиры практически отсутствовали.

По мостику перебежали пересыхающую речку, дальше пошли краем леса. Спешить было некуда – если отряд и выступил, то ушел недалеко.

Под сенью еловых лап Шубин расщедрился на длительный привал. Спали по двое, по двадцать минут, это хоть как-то прибавило сил.

Слева осталась деревня Должанка, дворов двенадцать. Дорога, пересекающая селение, утонула в разливах. Немцы в эту глушь не совались – Кошкина отправили в «командировку», и он, вернувшись, это подтвердил. По словам местных жителей, они вообще ни разу не видели живого немца.

Дальше шли по двое, параллельно, чтобы охватить значительный участок местности. Сошлись у покатога холма, заросшего лещиной. Поднимались по одному, со всей осторожностью. С холма открылся вид – довольно унылый в это время года. Природа прозябала под хмурым небом. Облетевшие леса разбегались во все стороны света.

Снова послышался гул, в разрывах облаков показался самолет – увы, не с пятиконечными звездами на фюзеляже. Он сбросил десант – восточнее района, где группа Шубина устроила врагу засаду. Серые пятна парашютов покачивались в воздухе.

– Мимо, – ухмыльнулся Курганов. – Перекрывают дорогу, но там Моисеевский не пойдет.

– Это так, – согласился Шубин. Он с опаской вглядывался в даль. – Если сядут, окопаются и никуда не двинутся. А если станут прочесывать лес, то однажды мы встретимся. Ладно, пока не вижу повода для беспокойства.

Последующие два часа группа осваивала размытые проселки, вышла к хутору. Он лежал в низине, окруженный плотным осинником. Хутор миновали – в нем отсутствовали посторонние.

После короткого отдыха снова вышли на проселок – под сенью деревьев, он имел сравнительно божий вид. Дорога петляла, шли по обочинам. Пролаяла автоматная очередь – все четверо бросились за деревья, попадали в грязь. Пострадавших не было, но измазались, как черти.

Откуда здесь немцы? Стреляли из немецкого оружия. Шубин приподнял голову. Кто-то перебежал, задрожал кустарник. На миг показалась встревоженная физиономия с подвижными глазами, спряталась за деревом.

– Не стрелять, – зашипел Шубин.

– А им можно? – надулся Кошкин.

– А они идиоты... Эй, вы кто?

– А вы кто? – отозвались по-русски.

– Я первый спросил!

– А нас больше! Выходи, пока не перебили!

– Головин, ты?

Кусты какое-то время озадаченно молчали, потом опять показалась физиономия:

– Это вы, товарищ лейтенант? Мы так и подумали, что это вы...

Рядом задышался от беззвучного хохота Кошкин, но встать побаивался. Партизан был явно не один, и не все в его группе отличались острым умом и сообразительностью.

– А чего стреляли тогда?

– Так это самое, товарищ лейтенант... – смутился разведчик, – время нынче такое, война идет... Ладно, выходите, чего вы там спрятались, как чужие?

Из чащи показались люди в засаленных фуфайках. Улыбки цвели на чумазых лицах. Это был передовой дозор отряда Моисеевского – не разминулись, есть на свете бог! Встреча вышла шумной и радостной. Партизаны хлопали друг дружку по плечам и спинам, отпускали беззлобные шуточки.

– Все наши здесь, товарищ лейтенант, – отчитался Головин. – Мы с ребятами впереди колонны идем. Весь обоз там, за нами, метрах в трехстах. Уж и не надеялись вас увидеть.

Шанс встретиться лоб в лоб был действительно невелик. Но отряд шел верно – через глушь, не захваченную немцами. По размытой дороге навстречу товарищам бежал сияющий Арсен Вартамян. Он дошел минувшей ночью до базы, передал командованию ценные сведения! Комдив действовал незамедлительно: база эвакуировалась в течение двух часов, и с тех пор отряд двигался в ускоренном темпе.

Внезапно Арсен осекся, стал озира́ться. В группе не хватало Шперлинга, и мрачные лица подсказывали, что это неспроста. Бойцы угрюмо отворачивались, Шубин неохотно поведал печальную историю. Невозможно привыкнуть к утратам, каждая смерть – словно от тебя самого кусок оторвали.

Партизанский отряд шел навстречу. Все смешалось – пешие бойцы, телеги, запряженные полудохлыми клячами. Раненых по-прежнему было много, и гражданские никуда не испарились.

Ахнула Лида Разина, спрыгнула с телеги, бросилась к Шубину, прижалась, испустив вздох облегчения. Потом подняла на него лучащиеся глаза, засмеялась. Девушка сильно изменилась за последние месяцы – похудела, истончились волосы, под глазами залегли устрашающие круги. Она почти не спала, все время проводила с ранеными. Но это была все та же Лида, влюбленная в него до потери памяти. Бойцы украдкой косились в их сторону, улыбаясь отводили глаза. Не выдерживали острые на язык, отпускали шуточки. Но это было нормально и привычно!

– Все хорошо, родная. Теперь я рядом, ничего не бойся.

Комдив размашисто месил грязь – в такой же телогрейке, что и все, перетянутый портупеей, в заношенной офицерской фуражке. Время не изменило командира погибшей 303-й дивизии: в его движениях сохранилась офицерская выправка, только в темных волосах добавилось седины. Рукопожатие комдива было твердым и дружеским.

– Рад, что живой, Шубин. Докладывай, только быстро.

Все его помощники и заместители находились поблизости: батальонный комиссар Ухтомский, капитан Лагутин, заместитель по хозяйственной части Арбузов. Они смотрели на разведчиков пристально и настороженно.

– Отойдем, Александр Гаврилович. Сведения конфиденциального характера, не для широких масс...

Они остановились в стороне от дороги. Мимо двигался обоз, на них поглядывали бойцы и гражданские. Вытягивал шею обиженный комиссар Ухтомский, готовый подозревать всех и каждого и даже самому себе не доверяющий. Комдив выслушал последние сведения, не меняясь в лице, только скулы побелели.

– Ты в этом уверен, лейтенант?

– Нет, товарищ полковник, не уверен. Но, думаю, это несложно проверить.

Предатель сам себя выдал с головой! Отказали нервы, он что-то почувствовал, когда Шубин отвел комдива в сторону. При этом оба смотрели куда угодно, только не на предателя.

Павел Савельевич Арбузов, крупный мужчина, страдающий одышкой, ведающий в отряде хозяйственными делами (и неплохо ведающий), слез с телеги, воровато осмотрелся и двинулся в лес – якобы по нужде.

Когда Шубин с комдивом, а с ними пара автоматчиков подбежали к колонне, Арбузова на подводе уже не было. Усатый возница махнул рукой: «До ветра подался Павел Савельевич».

Бывший завхоз Ясинского санатория для работников партийного звена быстро бегать не мог. Но старался изо всех сил – семеня, тяжело дыша, хватался за деревья, то и дело оборачивался. Когда его догнали, он стал хрипеть: «Отстаньте!» Так переволновался, что сразу выдал себя со всеми потрохами.

Потрясенный комдив сурово смотрел, как человека, которого он считал своим другом, волокут на дорогу, а у того от страха отнимаются ноги. Последовал приказ колонне: остановиться, выставить дозоры. При всем честном народе разбираться не стали, ушли в лес. Павел Савельевич отчасти пришел в себя, начал возмущаться: «В чем дело, товарищи? По нужде пошел, зачем схватили? Это недоразумение! Александр Гаврилович, что происходит?!» Но сломался, не выдержав мрачных взглядов, смертельно побледнел, стал размазывать слезы по небритому лицу.

– Все ясно с тобой, Павел Савельевич, – вздохнул Моисеевский. – Давай рассказывай. Будь же мужиком, не хнычь.

Арбузов каялся, что бес попутал, он не хотел, так вышло, просто минутная слабость. Он нуждается в прощении, ведь он много лет верой и правдой служит коммунистической партии. Потом дошло, что прощения не будет, начал неохотно излагать.

В деревне Жердево, куда неделю назад вошла группа снабжения под его началом, сидел немецкий агент – местный житель, но при этом секретный сотрудник полиции. Бойцы ходили по избам, собирали муку, картошку, домашнюю птицу, а этот тип подловил за сараем товарища Арбузова – дескать, просто поговорим... Были грешки у Павла Савельевича – еще в бытность завхозом санатория, к тому же родной брат перешел на службу в полицию и передавал родственнику пламенный привет. В общем, за пять минут ловкий парень завербовал завхоза, тот и опомниться не успел. А дальше дело техники: тайник под приметной березой за пределами базы, записка с ценными сведениями – число бойцов, структура базы, расположение постов и средств сигнализации...

Пришлось бы тяжело, но отряд выскочил из-под носа гитлеровцев, что вызвало у Павла Савельевича противоречивые чувства. Теперь он плакал, умолял принять во внимание его былые заслуги. Охота на живца не имела смысла: отряд сменил дислокацию. Сообщить что-то ценное Арбузов не мог. Он сам ничего не знал. И теперь это понял с потрясающей ясностью: конец пришел. Нужды в суде не было: преступник признался, как говорят прокуроры, под тяжестью изобличающих улик. Партизаны мрачно смотрели на своего бывшего товарища.

– Мне жаль, Павел Савельевич, – сказал комдив, – но ты сам решил свою судьбу. Не устраивай сцен, ступай к канаве.

На лицо предателя легла печать смерти, он все понял и смирился. Потухли глаза, кожа на лице приобрела трупный цвет. Арбузов тяжело поднялся, побрел к канаве. Подкосились ноги, подбежал боец, поддержал.

Он стоял, поникший, на краю своей будущей могилы отвернувшись, боясь смотреть товарищам в глаза. Бывший особист Сумкин выстрелил ему в затылок из револьвера. Грузное тело скатилось в канаву, осыпалась земля. Сумкин с невозмутимым видом сунул револьвер в кобуру. Он всегда был невозмутим и спокоен.

– Расходимся, товарищи, – заторопил полковник, – нечего тут смотреть. Лагутин, распорядитесь продолжать движение. Мы должны за несколько часов покинуть опасный район...

Глава третья

Первые часы прошли без происшествий. Разведчики Шубина, уже знакомые с местностью, прокладывали маршрут. Обоз двигался быстро – насколько позволяла раскисшая дорога. Остался за спиной безмятный хутор. Население его составляло три человека – одноногий дед и две бабки – одна слепая, другая оглохшая на оба уха. Бойцы обследовали все строения, больше никого не нашли. Стариков оставили в покое – не та публика, что помчится докладывать полицаям.

Отряд втянулся в глухие леса. Дорога вела в нужном направлении. Но вскоре начались напасти. Пала лошадь, и никакими уговорами не удалось ее поднять. Истощенное животное вертело головой и жалобно ржало. Лошадь прирезали, тушу разделали на месте, куски мяса побросали в ведра вместе со шкурой. Лошадиное мясо было жилистое, безвкусное, но зато можно раненых напоить бульоном. Больных с обездвиженной подводы распределили по другим повозкам.

Потом они стали буксовать в низине. Колеса по ступицу проваливались в грязь, повозки выдавливали при помощи мускульной силы. Потеряли колесо, пришлось избавиться от одной телеги.

По курсу загремели выстрелы, стало совсем тоскливо. Уж лучше бы все телеги развалились. Комдив отдал приказ: «Приготовиться к бою!»

Шубин с бойцами бросился во главу колонны. Наперерез метнулась Лида – растрепанная, паникующая, схватила его за руку:

– Глеб, что происходит?

– Все в порядке, не отходи от колонны, мы разберемся... – Он вырвался от нее, побежал дальше.

Ситуация складывалась невеселая. Лес обрывался, дорога спускалась с горки. Впереди простиралось поле, покрытое островками клочковатой растительности, за полем чернел лес. Дорога змеилась, втягивалась в дальний осинник.

Передовой дозор ступил на спуск и подвергся обстрелу. Стреляли из противоположного леса. Пострадавших не было. Дозорные рассредоточились, открыли ответный огонь. Шубин съехал по скользкой траве, цепляясь за корни. За спиной переругивались Вартамян и Валентин Резун – смысленный блондин с оттопыренными ушами и некрасивым шрамом на правой щеке.

– Ложитесь, не маячьте... – ругался Глеб. Пули хлестали где-то выше, сбивали сухие ветки.

Лейтенант залег за подвернувшимся деревом, достал бинокль. Теплилась надежда, что это свои – какой-нибудь «неучтенный» партизанский отряд. Но надежда быстро растворилась: на дальней опушке хозяйничали немцы. Сновали фигуры в шинелях мышиного цвета, некоторые были в защитных комбинезонах. На опушку вытащили крупногабаритный станковый пулемет. Гитлеровцы возились за деревьями, но что они там делали, Глеб не видел. Похоже, десантное подразделение встретилось с пехотинцами вермахта и перекрыло дорогу.

Отряд Моисеевского ждали! Значит, деятельность Павла Савельевича Арбузова не пропала даром.

Атаковать фашисты не собирались, оставалось этому порадоваться. Ничто не мешало заманить отряд в ловушку, дожидаться, пока обоз спустится в низину. Хватило бы двух станковых пулеметов. Но немцы выдали себя – раньше времени открыли огонь. Из леса выбежали пехотинцы, залегли между кочками. Здоровый солдат волочил пулемет.

Проход заперли. Глеб кусал губы, лихорадочно обдумывал ситуацию.

– Вартамян, бегом к командиру, доложить! Создать возможность для быстрого разворота подвод! Пусть мобильные группы выдвинутся в дозор во всех направлениях!

– Есть, товарищ лейтенант. – Боец полез на склон, затрещали ветки.

Шубин продолжал наблюдение. Сил для атаки у немцев не было. Но перекрыть дорогу они смогли. Если подтянутся дополнительные силы, десантники зайдут во фланги и тыл неповоротливой колонны, отрежут ей обратную дорогу, тогда произойдет непоправимое.

Минометный обстрел начался внезапно. В уши ворвался надрывный вой, мина взорвалась у подножия возвышенности! Полетели в воздух лепешки грязи. Стреляли из противоположного леса. Откуда здесь минометная батарея? Еще две мины ухнули на склоне, выдрали куст, повалили короткое развесистое дерево. Еще несколько мин упали в поле.

Тревожно переключаясь, бойцы передового дозора поползли на склон. Никого не зацепило, но приятного мало. Шубин махал им рукой: выходите из опасной зоны! Впрочем, обстрел прекратился, немцы не хотели наобум расходовать боезапас. Они видели лишь передовой отряд, а основные силы могли находиться где угодно. Значит, могут выслать разведку...

Партизаны откатились за косогор, продолжали наблюдать. Шубин поспешил к обозу, Резун побежал за ним. В колонне, до которой было триста метров, царила суматоха. Подводы уводили с дороги, партизаны искали укрытия за обочинами. Ругался комдив Моисеевский: «Ну, все сегодня не по плану!»

Шубин выложил свои соображения.

– Лейтенант, ты говорил, что дорога свободна, – скрипел зубами комиссар Ухтомский. – Что это значит? Откуда взялись немцы?

– Во-первых, я такого не говорил, товарищ батальонный комиссар. Немцы знают, где мы были и в какую сторону пошли. Один десант мы уничтожили, но их, видимо, было несколько. Пехоту доставляют на вездеходах из окрестных сел. Пока их немного. Разрешите действовать по своему усмотрению?

– Еще чего, – фыркнул Ухтомский. – Ваши действия внушают озабоченность, лейтенант.

– Действуй, – поморщился Моисеевский. – Тебе же не потребуется несколько часов?

Глеб послал своих людей во все концы, сам вернулся на склон изучать в бинокль соседний лес. Перемен в диспозиции не наблюдалось, но неизвестно, что происходило в расположении немцев.

Через пятнадцать минут с левого фланга вернулся Резун, обстоятельно доложил. На этого парня можно было положиться – он делал свое дело хорошо и быстро.

– Любопытный факт, товарищ лейтенант. Между спуском дороги в низину и тем местом, где сейчас наш обоз, есть развилка, от нее ответвляется еще один проселок. Проехать можно, но желательно огибать ямы. Дорога выходит на тот же склон, но метрах в двухстах левее. Немцев там нет, я убедился. Они могут и не знать про эту дорогу. Слева в поле видна цепочка кустов – как раз за ними и тянется колея в тот же лес.

– Не выход, Валентин, – покачал головой Шубин. – Думаешь, немцы не заметят нашу ораву за тонкой цепочкой кустов? Хотя постой-ка... – Лейтенант задумался. Не было времени думать – действовать надо!

Он изложил свои соображения полковнику:

– Это единственный шанс, Александр Гаврилович. Можно развернуть оглобли и податься на попятную, но на старую базу уже не вернуться. Противник знает про нее – благодаря стараниям покойного гражданина Арбузова. В любом случае немцы с хвоста не отвялятся, будут нервировать, пока окончательно не окружат. План сырой, непродуманный, но почему бы не попробовать? Дайте мне тридцать бойцов, радиостанцию, несколько телег, и мы пойдем по левой дороге. Немцы засекут нас в поле, но что они увидят? Партизаны, кони, груженные телеги... Создадим иллюзию, будто мы и есть основные силы. Как только переправимся в дальний лес, займем оборону. Фрицы пойдут – мы их встретим. Дайте больше оружия, гранат, пулеметы, мы учиним там такой тарарам! Они бросят на нас все силы, решат, что мы пошли другой дорогой. А мы их уведем на север. Я уверен: они будут нас преследовать. За это время

вы пройдете здесь. Останутся небольшие заслоны – вы их сметете и растворитесь в лесу. Мы вас догоним, когда избавимся от хвоста. Это единственная возможность, Александр Гаврилович. И действовать надо быстро. Если немцы проведут разведку, забросают нас минами...

– Ты понимаешь, какому риску хочешь подвергнуться? – нахмурился полковник. Комдив тактично смягчал формулировку. Слово «самоубийство» было бы уместнее.

– Пусть так, товарищ полковник. Погибнут несколько десятков, но сохранится основной состав, гражданские, командование... Да все в порядке, Александр Гаврилович, не собираемся мы умирать. – Шубин изобразил неубедительную улыбку. – Поиграем, поведем фрицев за нос и догоним вас. Только рацию дайте – нужна связь. Заберу своих разведчиков, их одиннадцать человек вместе со мной, и еще пару десятков подбросьте – желательны молодых, обстрелянных, надежных. И еще, Александр Гаврилович, личная просьба... – Глеб замялся. – Это касается Лиды Разиной. Если со мной что случится, проследите за ней, поддержите как-нибудь...

– Насчет этого не волнуйся. – Полковник кивнул. – С Лидией Андреевной все будет в порядке. Но ты уж возвращайся, не дури там, Шубин. Привык я к тебе...

Лида почувствовала приближение беды, приникла к своему избраннику. Он шептал ей, что это обычное задание по отвлечению внимания, побегают они по лесу и вернутся. Или он должен постоянно держаться за ее юбку? Он главный по разведке, без него эти лоботрясы ничего не сделают!

– Я знаю, как вы собираетесь побегать, – дрожала девушка. – Видела, как твои разведчики грузили на подводы пулеметы с гранатами... Кого ты обманываешь, Глеб? Вернись, умоляю тебя, слышишь?

На душе было скверно, но предчувствие смерти пока не приходило. А ведь многие ее чувствуют – бледнеют, худеют, теряют желание что-то делать, и глаза у них становятся ко всему безучастными.

Немцы подняли шум, обнаружив подводы за кустами! То, что их мало, ничего не значило, это мог быть хвост партизанской колонны.

Пулеметная очередь распорол воздух, разбросала ветки калины. Заработала минометная батарея – метрах в тридцати от замыкающей телеги стали рваться мины. Возницы стегали лошадей, молодые бойцы, увешанные оружием, бежали вдоль обочины. На подводах валялись мешки с одеждой, ненужный хлам – чтобы создать хоть какое-то правдоподобие обоза.

Жертв избежали, одному партизану осколок срезал мочку уха, но он отмахивался – ерунда, до свадьбы заживет, зажимал рану комком бинта.

Неизвестно, что подумали немцы, но решили принять меры. Дорога уходила в лес, петляла в северо-восточном направлении. Лошади тянули подводы, но уже теряли силы. Люди тоже были не железные.

Шубин оглядел свое небольшое войско. Тридцать молодых здоровых ребят – надежные, морально устойчивые, изучившие премудрости партизанской войны. Они спокойно смотрели на лейтенанта, ждали приказа. Большинство – бывшие военнослужащие, вышедшие из окружения. Как ни крути – цвет войска полковника Моисеевского. Жаль губить такую гвардию. Но что делать? О том, что может погибнуть сам, Шубин даже не думал.

Местность была непростой – вереницы оврагов и балок, плотная растительность. Партизаны стащили с телег пулеметы, разобрали магазины, гранаты. Помимо немецких MG-34 и отечественных «дегтяревых», имелся еще станковый «максим», к сожалению, без щитка. Его обслуживали двое.

Шубин скомандовал:

– Всем рассредоточиться на краю оврага, установить пулеметы через равные интервалы. Резервной группе из шести человек держаться на правом фланге, контролировать поле, по которому могут подойти дополнительные силы противника.

Возницы погнали по дороге пустые телеги, им было приказано отдалиться метров на четыреста и там ждать.

Противник показался уже через пять минут.

Шубин недоумевал: «Неужели поверили?»

Гитлеровцы с карабинами наперевес шли по лесу – шли плотно, с бледными лицами, перебирались через завалы, лезли, пригнувшись, под стволами надломленных деревьев. За ними скользили десантники с автоматами – опытные, осторожные, экипированные по первому слову.

Пехотный офицер командовал:

– Вперед, быстрее, не толпиться! Выйти на дорогу и догнать обоз!

Но до дороги немцы не добрались. Их встретил шквал огня – первую шеренгу смело начисто. Пехотинцы висли на ветках, зарывались носом в валежник. Четыре пулемета работали плотно, не оставляя шансов вырваться из-под огня и залечь.

Офицер орал из укрытия, чтобы не останавливались, к черту смерть, да здравствует фюрер! Некоторых подчиненных он убедил, они поднялись, но далеко не ушли, всех разбросало по узкому участку. Выжившие открыли огонь, и партизанам пришлось сползти с косогора. Пули кромсали глинозем, выбивали целые пласты.

Шеренга поднялась, снова пошла вперед. Среди серых шинелей мелькали защитные комбинезоны десантников. Их поддерживал огнем пулеметчик, окопавшийся среди корней вывернутой осины.

– На позиции! – надрывался Шубин. – Огонь, братцы!

Но уже не было прежнего энтузиазма. Стрельба ослабла. Заклинило затвор ручного «дегтярева», отчаянно выражался пулеметчик, дергая заевшее устройство. Раскалился и захлебнулся «максим» – не подумали про воду для охлаждения ствола. Два бойца скатились на дно оврага, замерли, разбросав руки.

Пули свистели в угрожающей близости. Шубин моргал, избавляясь от тумана в глазах. Контур теряли резкость, сливались с деревьями. Началась позиционная война.

Отряды врагов разделяли пятьдесят метров насыщенного свинцом пространства. Немцы, прячась за телами своих убитых, подползали все ближе и ближе. Еще одно тело скатилось на дно оврага – тот самый паренек с отсеченным ухом. Ахнул стрелок-пулеметчик, зарылся окровавленной головой в лишайник.

Кто-то бежал справа по оврагу, перепрыгивал через гниющие паданцы. Молодой чубатый боец из числа оставшихся в резерве.

– Товарищ лейтенант, красноармеец Шаламов... – партизан шумно выдохнул. – Там десантники, ну, эти, которые в комбинезонах, кажется, собираются обойти нас со стороны поля... Что делать, товарищ Шубин?

– Пулемет у вас есть?

– Да, есть, пока еще не пустили в ход. Лежим тихо, как мыши.

– Подойдут – бейте в упор. Чем больше их положите, тем меньше у нас будет забот. Без них пехота – уже не сила. Будут давить, отходите к лесу...

– Я понял, товарищ лейтенант... – Кучерявый побежал обратно.

Создалось хрупкое равновесие. Немцы залегли, ожидая подходящего для атаки случая. Шубин ловил в прицел бледные лица, но и фашисты ловили в прицел его бледное лицо...

Очередь чуть не ошпарила. Смерть пока что ласково погладила по головке. Сорвалась нога, Шубин кубарем покатился вниз, в объятия мертвого партизана с распахнутыми глазами. Нет, еще рано – ты лежи, парень, а у нас еще дела... Лейтенант подхватил упавший автомат, полез обратно на склон.

На правом фланге разгорелась суматошная пальба. Ручной «дегтярев» долбил, как сумасшедший дятел. Горланили парашютисты, попавшие в ловушку. И впереди стало беспокойно. Поднялись пехотинцы, заскучавшие в буреломе, пошли вперед, выставив карабины.

Сначала простучал пулемет, повалив самых резвых, а потом поднялись партизаны – с кулаками, с саперными лопатками, повалили в контратаку. Словно рояль поехал с лестницы!

Шубин бежал вместе со всеми, боясь споткнуться, вскидывал ноги, как цапля, сжимал саперную лопатку. Картинка дрожала перед глазами. Лицо лоснилось от соленого пота. С этой лопаткой он воевал уже четыре месяца, грань истончилась – постоянно приходилось подтачивать. Уж и не вспомнишь, когда использовал инструмент по прямому назначению...

Бились чем попало. Бледный солдат плясал перед глазами, пытался выдернуть ногу из скрещенных веток, выл от бессилия. Вскинул автомат, но Шубин опередил его, метнув лопатку с короткой дистанции. Оружие сделало кувырок и треснуло немца по лбу. Криво вышло, отклонилось ребро от цели, иначе расколело бы лобную кость. Но удар ошеломил фрица, брызнула кровь. Дрогнул автомат, и пуля прошла мимо.

Глеб набросился на него, сбил с ног, подобрал отлетевшую лопатку и на этот раз ударил на славу, прямо в оскаленный рот. Шубин проделал кувырок через плечо – прямо почувствовал, что опасность близко. Штык вонзился в землю рядом с ухом. Лейтенант выдернул пистолет из расстегнутой кобуры, дважды надавил на спуск. Свалился на колени подстреленный ефрейтор, схватился за живот.

Глеб присел за деревом, передохнул секунду. Рукопашная подходила к концу. Партизаны дрались, как гладиаторы. Пятились уцелевшие враги, несколько человек пустились бежать. Кто-то из немцев стоял на коленях и тянул вверх руки, словно нащупывал перекладину турника. Подлетел Курганов, рубанул лопаткой в основание шеи...

– Отходим! – прохрипел Шубин. – Все на дорогу!

Бойцы попятились, хватая оружие, скатились в овраг. Дальний склон был сравнительно пологим – много усилий не потребовалось. По пади бежал резерв – те, что подловили у опушки десантников. Бежали налегке – с пулеметом расстались. И не все – только четверо, но в лицах столько удовольствия, что можно и не спрашивать, чем закончился бой.

Улыбался чубатый Шаламов с «индейским камуфляжем» на физиономии – словно намеренно размазывал кровь. Судя по тому, что он бежал первым, это была чужая кровь. Все выжившие повалили на дорогу. Лица возбужденные, пот градом – словно в футбол выиграли!

Ложный обоз давно ушел, грязи на дороге было в меру – не так уж размываются лесные проселки, прикрытые густыми кронами деревьев. Шубин поторапливал: подрались хорошо, теперь хорошо побегаем, пока немцы в шоке!

А фрицы действительно впали в замешательство: не ожидали, что так получится. Слышно было, как далеко в лесу уже надрывали глотки офицеры – готовилась вторая атака.

Шубин молил несуществующего бога: «Сделай так, чтобы эти твари сняли все силы с основного направления!»

Он бежал последним, постоянно оглядывался. Конечности немели от напряжения. Немцы еще только готовились – они не знали, что партизаны оставили позиции. Бойцы бежали в размеренном темпе, тяжело дышали, сапоги обрастали липкой грязью. Увы, уже не прежние тридцать человек. Осталось два десятка, не больше, остальные сложили свои головы в этом бою.

До укрытой колонны добежали за несколько минут. Четыре телеги, призванные имитировать партизанский обоз. В головной подводе лежала обложенная соломой рация – самый ценный груз. Возницы изнывали от нетерпения, ржали лошади – для ответственной миссии полковник Моисеевский выделил наиболее крепких.

– Вперед! – скомандовал Шубин. – Стегайте своих горячих!

Заскрипели изношенные телеги. Партизаны двинулись рядом, держась за борта и поминутно озираясь. Закачался русоволосый паренек, подстреленный в руку, неуверенно улыбнулся, стал сползать на землю. Его подхватили под мышки, перевалили в повозку.

– Где бинты? – завертел головой Арсен Вартамян.

Шубин не выдержал, запрыгнул в головную подводу, стал разворачивать рацию. Аппарат был тяжелый, соединял в себе возможности радиосвязи и голосового сообщения. Лейтенант схватил трубку, стал настраиваться на нужную частоту. Телега тряслась, настройки срывались. Он пытался сосредоточиться, выбросить все из головы. Сквозь эфир прорвался голос – русский, матерки через слово! Радист Семенчук – интеллигентный очкарик, который в сложных ситуациях забывал о своем воспитании и становился хуже портового грузчика!

– Шубин, это вы? – орал Семенчук.

– Мы, Борис. Уходим в лес на северо-восток, потеряли треть бойцов, немцев тянем за собой. Доложи обстановку в отряде.

– Нормальная обстановка, рабочая! – Радист радостно засмеялся. – Слышали, что вы там устроили. Командир приказал провести разведку дальнего леса. Посыльные уже вернулись, говорят, чисто. Вы, как тот крысолов со своей дудочкой, увели за собой всех супостатов. Отряд уже выступает, спускаемся в низину...

– Будьте осторожны, немцы стягивают в район подкрепления! Проходите быстро, пока там нет никого! Все, конец связи.

Он бросил трубку и посмотрел в небо. Говорят, зима скоро...

Это был не самый легкий день. Работали в нечеловеческом напряжении, сдавали нервы, усталость тянула в сонное болото. Посмеивался неунывающий Кошкин: воевать в спящем виде еще не приходилось. Хотя что тут такого – партизан спит, служба идет.

За спиной гремели взрывы, надрывался станковый пулемет: немцы обрабатывали из минометов окрестности дороги и памятный овраг. Нашим это было на руку, нужно было уйти как можно дальше. Левая дорога все больше отклонялась – тоже неплохо, немцев надо уводить в глухомань...

С пронзительным треском переломилась колесная ось замыкающей телеги – повозка фактически развалилась. Несчастливая лошадь выбилась из сил, присела на задние ноги, жалобно всхрапнула.

Партизаны набросились на возницу:

– Ослеп, что ли? Зачем заехал в яму?

– Так не видно же, – оправдывался побледневший мужик. – Все едино, грязь да грязь...

– А как остальные-то проехали? – разорвались бойцы.

– Товарищ лейтенант, давайте его накажем, – нервно смеялся Вартамян. – По всей строгости и со всей принципиальностью!

– Отставить галдеж! – крикнул Шубин. – Бросайте эту телегу, она все равно не нужна!

Он упорствовал, до последнего хотел сохранить обоз. Но долго ли немцы будут верить их уловке? Не пора ли бросать подводы и спасать людей? Но нет, еще немного, еще чуть-чуть...

Немецкий мотоцикл выскочил из-за поворота, как черт из табакерки! Полный комплект – пулемет в люльке, три здоровых лба в плащах и шлемах. Для партизан эта встреча стала неожиданностью. Кусты и деревья глушили звуки – какая-то глухая зона.

Партизаны бросились в лес. Шубин выскочил из телеги и вместе со всеми распластался в грязи, не понимая, что происходит.

Немцы заорали, пилот потерял управление, переднее колесо загуляло по колее. Ударил пулемет – и весь шквал свинца достался головной лошади в яблоках. Бедняжка повалилась на бок, затряслась. Все произошло очень быстро. Пострадала только лошадь. Мотоцикл трянуло, стрелок выпустил рукоятку, приклад собственного пулемета двинул ему по челюсти.

Мотоцикл сменил направление, съехал в кювет – еще немного, и он бы стал утюжить засевших там партизан! Подлетел Шаламов, бросил гранату и откатился. Взрыв прогремел справа от люльки, на обочине. Брызнула грязь с обрывками травяного дерна. Мотоцикл повалился на левый бок, двоим зажало ноги, они закричали благим матом. Пулеметчик вылетел из люльки и приземлился на крошечной поляне.

– Вот это да, – пробормотал Кошкин.

Зажатые мотоциклисты надрывали глотки. Снова отличился Шаламов: подбежал к ним, опустошил половину магазина. Обжег руки о раскаленный металл мотоцикла. Бросился к пулеметчику, который еще подавал признаки жизни.

– Отставить, Шаламов! – спохватился Глеб. – Не трогай его, пусть лежит! Пятеро, вперед на дорогу, занять оборону! Остальным – уйти в лес!

Но «первая ласточка» оказалась и последней. Мотоциклетный патруль, похоже, оторвался от своих, в одиночку заехал в лес.

Партизаны рассредоточились за деревьями. Ворчал Халевич: так, мол, и обделаться недолго.

Шубин поспешил к пулеметчику. Тот, по-видимому, отделался переломами, прерывисто дышал. Дотянуться до оружия он не мог – руки не слушались. Время поджимало – некогда справляться о житье-бытье. Шубин не зверствовал, разговаривал спокойно. Пусть враг, но человек был в шаге от смерти и заслуживал хоть какого-то снисхождения.

Пулеметчик переживал шок, плохо понимал, что происходит, и ничего не скрывал. Он шептал слабым голосом, отвечая на вопросы. Его зовут Вальтер Шульберт, отдельный мотоциклетный батальон в составе армейской группы, действующей северо-восточнее Вязьмы. В здешние леса направлены два мотоциклетных взвода – десять экипажей. Был ночной марш по распутице из села Черкасово. Партизанскую базу собирались ликвидировать южнее, но появились данные, что она сменила место пребывания и перебирается на север. Бой в данном квадрате разгорелся полчаса назад, и мотоциклисты гауптмана Вайхмана снова выдвинулись в другой район. Замыкается кольцо на участке местности площадью шесть квадратных километров. Помимо мотоциклистов, действует полностью укомплектованный мотопехотный батальон. Где находятся в данный момент его соратники, Шульберт, к сожалению, не знает, его экипаж получил приказ курсировать в данном районе, уничтожать партизан, оторвавшихся от основных сил...

Увидев ствол на уровне своего сердца, пулеметчик возбудился, зачистил, как печатная машинка. Он еще не все сказал, он так много знает, его нельзя убивать! Пуля пробила сердце и оборвала последний крик. В следующий раз договорим...

Шубин командовал посаженным голосом: бросить телеги, забрать рацию, всем уходить на северо-восток и не растягиваться! Есть шанс, что кольцо еще не замкнулось. А если и замкнулось, не впервой прорываться. Бойцы один за одним исчезли за кустами. Двадцать две души, не считая возниц, которые не бог весть какие воины, – приличная сила, даже есть с кем пару раз в атаку сходить...

Лейтенант пропустил бойцов, волочащих рацию, пристроился в хвост колонны. Предстоял непростой бросок по сложнопересеченной местности...

По карте он уже не ориентировался, только знал, что надо прорваться. А немцы были рядом, их присутствие кожей чувствовалось...

На противника наварались, когда бегом пересекали поляну. Угодили в то самое оцепление! Не было времени проводить разведку. Пулемет ударил из-под развесистой березы на краю поляны. Следом вступили в бой автоматы. Упали трое бойцов. Смерть прошла рядом: один из погибших упал в метре от Шубина – немолодой возница, заросший свинцовой щетиной.

Партизаны залегли.

– Гранаты к бою!

Не стоило смущаться, что цель далеко. Бросали активно: этого добра набрали предостаточно. Летели советские РГД, кувыркались немецкие «колотушки» с удлиненными рукоятками. Гранаты взрывались с недолетом, только одна, пущенная кем-то рукастым, долетела до леса. Вряд ли немцы ожидали столь слаженных действий от кучки людей. Грохот стоял невообразимый. Ударные волны гнули деревья и рвали кустарники.

– Выкусили?! – хрипел Кошкин, перекатываясь в соседнюю борозду. – Как мы их, товарищ лейтенант! Пусть чертям в аду тошно станет!

– Ада нет, боец!

– А это что? – Кошкин засмеялся животным смехом.

Поляну заволокло прогорклым дымом. Партизаны ворвались в лес и снова увидели перед собой ненавистные мышинные шинели, бледные, охваченные страхом лица.

Схватка была недолгой: стреляли в упор, бились прикладами. Кучку фашистов уничтожили быстро и умело, побежали дальше. Немцы находились и слева, и справа, пусть друг в друга стреляют! Так и случилось: за спиной разразилась яростная пальба.

Отряд недосчитался еще двоих, осталось семнадцать. Погиб молодой парнишка с простреленной рукой. Халевич волочил ногу и скрипел зубами – не уследил за своей конечностью. Но помощи не просил, как-то двигался сам. Мускулистый Тищенко тащил за плечами рацию, шумно отдувался.

Снова поляна, снова засвистели пули, теперь стреляли сбоку, но нельзя было останавливаться. Отстреливались на бегу, швыряли гранаты. В лесу Шубин пересчитал бойцов по головам – потеряли еще двоих.

Дальше был густой ельник, до которого не добрались немцы, – деревья росли непроходимой стеной, прорываться через нее было то же самое, что через неприятельские порядки. На непроходимых участках опускались на колени, ползли на четвереньках.

«А ведь оттянули на себя противника! – пульсировало в голове. – Есть за что погибать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.